

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ

Андреев В. К.¹

Ключевые слова: информация, информационно-компьютерные (цифровые) технологии, искусственный интеллект, правоотношение, права и обязанности, юридическое лицо, сделка, договор.

Аннотация

Цель: совершенствование научно-методической базы теории правового регулирования отношений в сфере применения информационно-компьютерных (цифровых) технологий (ИКТ).

Методы: системный и теоретико-правовой анализ законодательства и результатов практического использования ИКТ в общественно-производственной деятельности.

Результаты: обоснованно предлагается технико-технологическое регулирование информационных технологий, не входящее непосредственно в право как систему принципов и норм, рассматривать как средство обеспечения функционирования правоотношений; обоснованы следующие выводы: применение искусственного интеллекта ведет не к появлению электронного лица с некоторыми признаками юридической фикции, а к поэтапному приобретению и осуществлению прав юридического лица с помощью электронных и иных технических средств; применение цифровых технологий не ведет к возникновению субъектов цифрового оборота, взаимодействие участников электронного оборота не порождает ни прав, ни обязанностей, что характерно и для взаимодействия участников экосистем; сделки в машиночитаемом формате могут иметь социально-экономическое значение при появлении сильного искусственного интеллекта, поскольку формальный язык таких сделок, онтология машиночитаемого права вообще не способны отразить все проявления воли и интересов участников правоотношений.

DOI: 10.21681/1994-1404-2022-3-13-22

Введение

Широкое применение информационно-компьютерных (цифровых) технологий (ИКТ) в деятельности людей и их объединений поставило вопрос об уточнении понимания права как регулятора правоотношений: возможно ли в орбиту его действия включать ИКТ, осуществляемые операторами информационных систем. В России действует достаточно развитое отечественное законодательство о правовом регулировании применения ИКТ в экономике. Прежде всего это Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»², в котором дано определение «цифрового права» [14], совершение сделки с использованием электронных либо иных технических средств приравнено к письменной форме сделки, расценено

как исполнение сделки при наступлении определенно-го обстоятельства без направленного дополнительно волеизъявления сторон обязательства путем применения ИКТ, определенных условиями сделки, предусмотрены особенности договора об оказании услуг на предоставление информации. Отношения, возникающие в связи с инвестированием и привлечением инвестиций с использованием инвестиционных платформ, по регулированию возникновения и обращения утилитарных цифровых прав предусмотрены в Федеральном законе от 2 августа 2019 г. № 254-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³. В Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴ урегулированы выпуск, учет и обращение

²Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 12. Ст. 1224.

³Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 31. Ст. 4418.

⁴Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ч. 1. Ст. 5018.

¹ Андреев Владимир Константинович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации, главный научный сотрудник Российского государственного университета правосудия, г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: rajandreevkv@gmail.com

таких цифровых прав, как возможность осуществления прав по электронным ценным бумагам и правам требования, их передачи, а также участия в капитале непубличного акционерного общества. В названном Законе урегулированы отношения, возникающие при обороте цифровых валют в России. Важным актом является Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»⁵.

Указанные законы содержат серьезные изменения действующих законов, прежде всего Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»⁶. Цели и основные задачи развития искусственного интеллекта в Российской Федерации определены Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490⁷.

Правовое и цифровое регулирование как право и «неправо»

В юридической литературе утверждается, что влияние цифровизации на предмет правового регулирования проявляется в качественном изменении общественных отношений за счет «новых» форм и способов взаимодействия, а также появления «новых», не урегулированных правом общественных отношений.

По мнению В. Н. Синюкова, «в правовое регулирование включается вся методология техники и искусственного языка техники. Неживые объекты становятся частью не просто бытия людей, на чем основывается нынешнее правовое регулирование, но и частью самих общественных отношений»⁸. Вряд ли можно согласиться с тем, что цифровое право выполняет роль методологической категории, раскрывающей тенденции структурной трансформации российской правовой системы, предусматривает нормы и институты различной отраслевой природы. Цифровое право представляет собой соединение неправовых регуляторов, которые в определенных сочетаниях дают правовое качество, юридикзм нового типа⁹. Представляется контрпродуктивной идея В. Н. Синюкова о цифровом праве как новой правовой методологии правообразования и правореализации, симбиозе права и ИКТ. Перспективы цифрового права — не в иной модели социального и правового регулирования, а в адаптации

существующей и развивающейся правовой среды цифровых технологий с учетом того или иного отраслевого правового регулирования.

Положения законов о цифровых правах со всей очевидностью свидетельствуют о том, что никаких новых общественных отношений не возникает, просто отдельные их элементы, получившие закрепление в нормах права (элементы обязательства, юридического лица, интеллектуального права), возникают и осуществляются с использованием электронных либо технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, действия органа юридического лица или условия осуществления *интеллектуального права* [1]. Представляется, что внедрение цифровых технологий в гражданский оборот не влечет новых общественных отношений и, следовательно, цифровых правоотношений, появления виртуальной или цифровой личности. Сфера правового регулирования обогащается в пределах существующих правовых институтов нормами, признающими правовой характер за сделками, другими юридически значимыми действиями, совершенными с использованием программно-аппаратных устройств. Выпуск, учет и обращение цифровых прав, в частности, цифровых финансовых активов возможны только путем внесения (изменения) записи в информационной системе на основе распределенного реестра, под которым понимается совокупность данных, тождественность которых обеспечивается на основе установления алгоритмов, т. е. чисто технико-технологических требований. В определенной степени цифровые инновации можно рассматривать как возникновение отдельных элементов общественных отношений по созданию нового или существенно улучшенного продукта (товара, работы, услуги, охраняемого результата интеллектуальной деятельности), когда информационная услуга выступает в качестве товара.

При наборе данных и их разметке, при интерпретации данных для решения конкретной задачи, в том числе с использованием методов машинного обучения, соответствующее правоотношение не только предстает в своей традиционной триаде — правило поведения, его субъекты и объекты, но и подвергается дальнейшей детализации.

Объект субъективного гражданского права нельзя приравнивать к объекту правоотношения, поскольку участники последнего имеют, как правило, разные интересы или даже преследуют противоположные цели. Корпоративные отношения, по крайней мере, управление корпоративными организациями, никак не могут быть охарактеризованы как имущественные или личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников. Процесс управления основывается на подчинении воли одного лица воле другого лица. Статья 65.3 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) предусматривает компетенцию высшего органа и других органов корпорации, к полномочи-

⁵Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ч. 1. Ст. 5017.

⁶Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 17. Ст. 1918.

⁷Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

⁸Цифровое право : учебник / Синюков В. Н., Ситник А. А., Хохлов Е. С. и др. Под. ред. В.В. Блажеева, М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2020. 640 с.

⁹Там же.

ям которых невозможно подобрать объекты гражданских прав в ст. 128 ГК РФ.

Субъективное право в рамках одного правоотношения может превращаться с помощью применения информационных отношений в объект права (цифровое право) одной из сторон правоотношения. Переход из права лица в объект гражданского права обнаруживает «текучесть» понятий в юриспруденции, как и в других общественных и гуманитарных науках. Это свойство юридических понятий наличествует и в основаниях возникновения гражданских прав и обязанностей, когда ими становятся уже существующие договоры и иные сделки, т. е. налицо юридическая реальность, существующая параллельно социально-экономической жизни общества, граждан и организаций.

Представляется слишком оптимистичным утверждение А. А. Тедеева о том, что сейчас речь идет уже «... не о поиске юридических конструкций, которые позволили бы эффективно регламентировать отдельные особенности регулируемых соответствующей отраслью права общественных отношений, частично происходящих в киберпространстве (или отягощенных существенным информационным элементом), а о полной трансформации самих таких регулируемых общественных отношений» [21, с. 31].

Представляется, что полной трансформации общественных отношений в цифровые быть не может: цифровые технологии можно использовать лишь на определенных участках общественных отношений, когда возможно их правовое регулирование с использованием технических средств по подобию уже существующих правовых институтов, без формирования таких общих понятий, как цифровые правоотношения, электронная личность и ее существование, правоспособность и дееспособность робота, роботизированных систем [20].

Л.В. Санникова и Ю. С. Харитоновна, вводя в научный оборот понятие «цифровые активы» (непонятно, на каких нормах российского законодательства оно основано), утверждают, что цифровые права, в отличие от традиционных объектов гражданских прав, подчиняются прежде всего технологическим закономерностям оборота, что должно найти отражение в правовой регламентации данных отношений. В этом правовая сущность цифровых активов [19].

Технико-технологические характеристики функционирования информационных систем, комплексов программно-аппаратных средств не могут подвергаться непосредственному правовому регулированию. Технико-технологические элементы не входят непосредственно в право как систему норм и принципов осуществления общественных отношений отдельных видов деятельности, но обеспечивают их функционирование, поскольку именно с помощью ИКТ происходит в установленных случаях возникновение, развитие и прекращение обязательственных и иных прав в информационной системе [2].

Операторы — владельцы искусственного интеллекта как имущества — предоставляют техническую и иную фактическую возможность осуществления прав, удостоверенных цифровыми правами. Оператор информационной системы несет ответственность перед пользователями за убытки, причиненные нарушением правил инвестиционной платформы или системы, в которой осуществляется выпуск цифровых прав, нарушением требований бесперебойности и непрерывности функционирования информационной системы, предоставлением пользователям *недостовой* [10], неполной и вводящей в заблуждение информации.

В Перечне¹⁰ поручений Президента Российской Федерации по итогам конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта», состоявшейся 12 ноября 2021 г., Правительству Российской Федерации поручено обеспечить совершенствование применения *экспериментального правового режима* в сфере цифровых инноваций, обратив внимание на определение лиц, ответственных за причинение вреда в результате использования решений, созданных с применением технологий искусственного интеллекта, защиту исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с применением таких технологий. Реализация задач, установленных в Стратегических направлениях в сфере цифровой трансформации различных отраслей экономики, в частности, обрабатывающей промышленности (выпуск высокотехнологичной продукции, предоставляемой по сервисной модели «товар как услуга» или маркетплейсы с ресурсами для создания и реализации продукции «от идеи до рынка»)¹¹, невозможна без принципиальной перестройки *классификации* объектов гражданских прав, предусмотренной ст. 128 ГК РФ. В основу классификации должна быть положена не вещь и иное имущество, а продукт деятельности человека. Бездокументарные ценные бумаги, безналичные денежные средства и цифровые права не могут признаваться вещами, вряд ли их можно назвать и иным имуществом, поскольку в ст. 209 ГК РФ собственность как основной вид вещного права определяется через имущество. Названные имущественные права являются продуктом деятельности людей и их объединений, и сопоставление их с вещами как физически осязаемыми предметами лишено практического смысла [3]. С другой стороны, разве результаты работ (построенное здание, проектно-изыскательская документация и др.) не являются вещью, имуществом? Существует проблема их отличия от *результатов интеллектуальной деятельности* [16], которые также могут приобретать цифровую форму.

¹⁰ Утвержден Президентом Российской Федерации 16 декабря 2021 г. № Пр-2371 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 ноября 2021 г. № 3142-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации обрабатывающих отраслей промышленности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 46. Ст. 7731.

Об электронной личности и экосистеме

Искусственный интеллект в п. 3.17 ГОСТ Р 43.0.5—2009 определяется как моделируемая (искусственно воспроизводимая) интеллектуальная деятельность мышления человека. Можно согласиться с А. В. Минбалеевым в том, что такие понятия, как искусственный интеллект, блокчейн, облачные технологии, киберфизические системы и др., должны формироваться изначально на уровне *технического регулирования*, а право не должно ставить перед собой задачу урегулировать технические объекты [17]. В то же время искусственный интеллект в виде цифровых технологий участвует в производстве товаров, работ, услуг, активно применяется в цифровых технологиях и промышленном интернете. Через информационные системы как совокупности содержащейся в базах данных информации и функционирующие системы искусственного интеллекта в организациях эффективно решаются отдельные группы задач по управлению производством путем *электронного документооборота* [15, 23], совершения сделок и иных юридически значимых действий с помощью электронных или иных технических средств.

В деятельности хозяйственных обществ все шире используются нематериальные средства производства (ИКТ и др.), для которых характерны физическая «неизнашиваемость», неограниченная тиражируемость, невозможность физического владения [5]. Целесообразно в состав предприятия как имущественного комплекса (ст. 132 ГК РФ) включить цифровые технологии, искусственный интеллект и как вид имущества, и как охраняемые результаты интеллектуальной деятельности.

Информационное пространство [11, 13] не приобрело пока еще самостоятельное бытие, продукты цифровых технологий могут возникать и обращаться, как правило, в пределах информационных систем по тем же правовым нормам, что и обычные товары, работы, услуги. При существующем развитии цифровых технологий нет оснований выделять «цифровой» гражданский оборот, осуществляемый в сети Интернет в виртуальном пространстве, и считать, что субъектами такого оборота выступают цифровые идентификаторы (компьютерные коды, IP-адреса), условные обозначения (nickname), а также цифровые сущности [8]. Возникает вопрос: нужен ли этот цифровой оборот виртуальных объектов при наличии обычного гражданского оборота объектов гражданского права, в том числе и цифровых прав? Ведет ли оборот оцифрованных объектов в информационной системе к появлению электронного лица с некоторыми признаками юридической фикции (по аналогии с юридическим лицом) [18]? Применение цифровых технологий с использованием искусственного интеллекта на современном уровне его развития не означает появления новых общественных отношений, качественно отличающихся от существующих. Современный период российской экономики характеризуется широким использованием машинного обучения

и искусственного интеллекта, без которых невозможно конкурировать в сокращении доли человеческого труда в затратах производства, повышении качества товаров, работ, услуг. Стремительное развитие ИКТ позволяет выносить потребности человека и организаций в онлайн-плоскость и удовлетворять их за счет цифровых платформ и экосистем, представляющих собой определенным образом связанную совокупность различных сервисов.

В условиях, когда на одном рынке конкурируют экосистема и отраслевая компания, экосистема получает преимущество за счет большого набора данных о клиентах. Отличительные черты цифровой экосистемы отмечены Н. И. Соловяненко: для нее характерны совокупность нескольких платформ, производящих взаимодополняющие продукты и услуги, которые они предоставляют своим потребителям [9].

Заместитель министра экономического развития России В. Федулов сформулировал общие принципы экосистем, допуская разработку рамочного «верхнеуровневого» закона, который установит общие принципы регулирования — своего рода экосистемную конституцию¹². Он полагает, что ключевой признак экосистемы — обеспечение сетевого эффекта: максимизация количества потребителей и поставщиков тех или иных услуг, а также готовность к долгосрочным инвестициям и, возможно, потерям ряда уникальных технологических решений для клиентов. В. Федулов назвал два главных критерия экосистемы:

- тесную внутреннюю интеграцию связанных сервисов, отличных от якорного бизнеса;
- постоянные инвестиции в цифровые инновации различных отраслей, когда одни инновационные сервисы работают в минус ради того, чтобы другие работали в плюс.

В Правилах предоставления субсидий из федерального бюджета автономной некоммерческой организации «Цифровые технологии производительности» *цифровая экосистема* определена как совокупность сервисов, услуг и решений, включая типовые решения, действующая в условиях единства модели данных и системной архитектуры, а *платформа* — как функционально ограниченная модель цифровой экосистемы, в которой размещены услуги, оказываемые участникам цифровой экосистемы¹³.

В отличие от решений собраний, в которых юридически значимые действия их участников могут выражаться голосованием с помощью электронных и иных технических средств (пп. 11 п. 1 ст. 181.2 ГК РФ),

¹² Интервью с заместителем министра экономического развития России // Ведомости. 2021. 29 сент.

¹³ Постановление Правительства Российской Федерации от 27 августа 2021 г. № 1423 «Об утверждении Правил предоставления субсидии из федерального бюджета автономной некоммерческой организации «Цифровые технологии производительности» в целях внедрения сервисов по повышению производительности труда Цифровой экосистемы производительности на предприятиях — участниках национального проекта «Производительность труда» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 36. Ст. 6401.

в экосистемах взаимодействие их составных частей происходит без участия человека посредством межведомственных запросов в единой информационной системе. Тем не менее предоставление услуг виртуального характера таким образом можно назвать корпоративным управлением, поскольку реализация алгоритмов создания, хранения и обновления информации достигает того же эффекта воздействия, что и решения высшего и других органов корпорации. В цифровой платформе как бизнес-модели вся информационно-технологическая инфраструктура, включая вычислительные сети, серверы, системы хранения, целиком управляется провайдером или же определяется набор доступных для потребителей видов платформ и набор управляемых параметров платформы. Совокупность данных и команд, осуществляемых оператором информационной системы в целях получения определенного результата, равнозначна действиям участников и органам хозяйственного общества.

Участники экосистемы в результате электронного взаимодействия, с одной стороны, осуществляют функции поставщиков документов и (или) информации и потребителей сведений. Связь между ними порождает временную зависимость, но она не приобретает правовой характер, поскольку обусловленность передачи документов и (или) информации между участниками экосистемы состоит в информационно-технологическом взаимодействии операционных систем, систем управления базами данных, средствами разработки и тестирования и др. Упомянутые два критерия наличия экосистемы не обладают постоянными формальными признаками и не могут быть положены в основу определения правового положения экосистемы. Каким образом можно установить, что интеграция сервисов, отличных от якорного бизнеса, тесная, а инвестиции в цифровые инновации различных отраслей постоянные? Кроме того, надо иметь в виду, что участники экосистемы уже обладают статусом юридического лица или индивидуального предпринимателя, а наделение правосубъектностью экосистемы повлечет за собой в определенных случаях и установление ее имущественной ответственности.

С другой стороны, электронное взаимодействие участников экосистемы повышает эффективность предпринимательской деятельности, поскольку увеличение доходов предпринимателя достигается за счет цифровизации производства товаров, работ, услуг, но пока рано говорить о новых экономических благах, создаваемых в результате применения цифровых технологий [19].

Представляется целесообразным согласиться с Н. И. Соловяненко, что основным качеством электронного документа признается не правоотношение, а содержащаяся в документе информация [9]. Таким образом, взаимоотношения участников в экосистеме представляют собой отношения технологической связанности, что отличает их от прав и обязанностей участников корпорации в отношении созданного ими

юридического лица, которые также могут осуществляться с помощью электронных средств. Правовое регулирование электронного взаимодействия между государственными органами, гражданами и организациями не означает, что их участники не обладают гражданскими правами и обязанностями.

Решение собрания, несмотря на прямое указание в п. 1.1 ст. 8 ГК РФ, не создает в полном объеме гражданские права и обязанности граждан и (или) юридических лиц, поскольку совместное обсуждение вопросов повестки дня и принятие решений по вопросам, поставленным на голосование, принимается участниками гражданско-правового сообщества, которое не обладает гражданской правоспособностью. Перечисленные в п. 1 ст. 65.2 ГК РФ права и обязанности участников корпорации носят управленческо-контрольный характер и призваны защищать права юридического лица, членами которого они являются. Требования участников корпорации подаются в интересах юридического лица, в том числе и в случае нарушения органом юридического лица осуществления его полномочий, влекущих гражданско-правовые последствия. По этим соображениям представляется непоследовательным рассмотрение решения собрания по аналогии со сделкой недействительным, ничтожным или оспоримым. В случае признания сделки недействительной каждая из сторон должна возратить другой все полученное по сделке либо возместить стоимость. Гражданско-правовое сообщество корпорации действует от имени последней с целью возмещения убытков самой корпорации.

Участник или участники корпорации, требующие возмещения причиненных корпорации убытков или признания сделки корпорации недействительной, не являются собственниками или иными владельцами соответствующего юридического лица. Как разъяснено в п. 103 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25, под *гражданско-правовым сообществом* понимается группа лиц, наделенная полномочиями принять на собрании решения, с которыми закон связывает гражданско-правовые последствия¹⁴. Таким образом, права участников корпорации не имеют завершенного содержания субъективного права перед третьими лицами, а ограничиваются рамками юридического лица. На основании *системного анализа* [12] прав и обязанностей участников корпорации автором был выдвинут и обоснован тезис о положении, что наряду с правоотношениями существуют отношения, связанные с правом, несоблюдение которых влечет гражданско-правовые последствия [4].

Решение собрания при обсуждении вопросов повестки дня без проведения собрания считается принятым, если голосование проводилось с помощью

¹⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

электронных или иных технических средств, при этом ч. 11 п. 1 ст. 181.2 ГК РФ отсылает к ст. 160 ГК РФ. На мой взгляд, совершение сделки с использованием электронных и иных технических средств не может быть приравнено к решению собрания, поскольку если в первом случае воспроизведение содержания сделки является ее формой, то в случае голосования с использованием технических средств — выражением воли участника корпорации, поскольку решение собрания выражает волю участников по тому или иному вопросу повестки дня, решение которого требует, как правило, действий участников. Совершение сделки направлено на возникновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей. В случае же исполнения сделки при наступлении определенных обстоятельств без специально направленного отдельно выраженного волеизъявления сторонами обязательства путем применения ИКТ требуется предусмотреть в сделке заранее это обстоятельство. Распространение на решение собрания правила о соблюдении письменной формы сделки при ее совершении лицом с использованием электронных и иных технических средств лишило решение собрания самостоятельности как основания возникновения гражданских прав и обязанностей, о чем также свидетельствует деление решений собраний на оспоримые и ничтожные. Голосуя по вопросу повестки собрания, участник корпорации не совершает сделку, а совместно с другими участниками дает согласие на совершение сделки.

Указание в ст. 181.2 ГК РФ на ст. 160 ГК РФ, по существу, отрицает самостоятельность решения собрания как самостоятельного основания возникновения гражданских прав и обязанностей (п. 1.1 ст. 8 ГК РФ). В то же время остается неясным, что понимать под гражданскими последствиями, с которыми закон связывает решение собрания.

Исходные положения для цифровизации сделки

Все увеличивающееся применение ИКТ в гражданском обороте при совершении и исполнении сделок и иных договорных обязательств, голосовании участников собраний требует уточнения соотношения ряда теоретических положений науки предпринимательского права. Понятия, институты, термины юридической науки должны основываться на нормах действующего права и учитывать практику их применения в суде. Непременным элементом правовой теории в условиях цифровой трансформации экономики должна стать возможность использования ее отдельных элементов с помощью технологических решений искусственного интеллекта.

В ГК РФ говорится об использовании электронных и иных технических средств как способе *достоверности* определения лица, выразившего волю. Процесс выражения воли и ее соотношение с волеизъявлением не затрагивает нормы о недействительности сделки и в своем составе содержит *психологические* элемен-

ты (обман, существенное заблуждение и др.), которые влияют на процесс выражения воли и волеизъявления, состояние лица, совершающего сделку, цели ее совершения и интересы, преследуемые при заключении договора, и не могут в настоящее время быть включены в программы искусственного интеллекта.

Применение ИКТ в гражданском обороте требует однозначного употребления правовых понятий, а существующее соотношение между сделкой и договором, договором и обязательством (договорным и внедоговорным) в ГК РФ препятствует внедрению цифровизации в экономические процессы. До федерального закона от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ¹⁵ не было понятия недействительности договора. Включение его в ГК РФ в значительной степени улучшило понимание недействительности договора, содержание договорного обязательства обогатилось процессом формирования воли сторон, обстоятельствами, при которых осуществлялось заключение договора, прежде всего, предложением оферты и ее возможным акцепта. Однако указанный закон, распространив общие положения об обязательствах на требования, связанные с применением последствий недействительности сделки, придал общий характер обязательству, а не институту сделки, который является элементом общей части. При таком правовом регулировании игнорируется действительное существо сделки как одного из основных начал гражданского законодательства, когда граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе (п. 2 ст. 1 ГК РФ).

Оспоримость или ничтожность сделки невозможно оценить с использованием ИКТ, учитывая, что с 2013 г. сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта, является оспоримой, если из закона не следует, что должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки (п. 1 ст. 168 ГК РФ). Нет оснований утверждать, что сделка является правомерным действием, если она совершена под влиянием обмана, насилия, угрозы, существенного заблуждения и других обстоятельств, когда воля лица, совершившего ее, свободно не формировалась. Уже по тому обстоятельству, что сделка может содержать условия, противоречащие закону, она не может считаться правомерным действием. Более того, отнесение на усмотрение стороны решения о признании сделки недействительной в тех случаях, когда волеизъявление потерпевшей стороны не соответствовало ее действительной воле, как раз подтверждает, что сложившееся в науке представление о сделке как правомерном действии не соответствует правовой действительности. Деление сделок на ничтожные и оспоримые создает неопределенность в гражданском обороте, по-

¹⁵ Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации». СПС «КонсультантПлюс».

сколько сторона в договоре может поставить вопрос о его недействительности.

Помимо разрешения этих сложных технических вопросов правового регулирования в ГК РФ сделки, ее соотношения с договором и обязательством, в научных исследованиях точно не определяется соотношение правовых и технологических аспектов в совершении и исполнении обязательства. Смарт-контракт [22] (этого термина нет в ГК РФ и других российских законах) характеризуется как способ исполнения гражданско-правового договора, с одной стороны, и как программа исполнения обязательства — с другой стороны. Для заключения сделки с использованием смарт-контракта необходимы оригинал основного договора и специалист, осуществляющий техническое создание и обеспечение смарт-контракта [7]. На мой взгляд, методологически верно поэтапно переводить те или иные части, блоки правоотношения или их совокупности на осуществление с помощью ИКТ, прежде всего в экспериментальных правовых режимах.

В Концепции развития технологий машиночитаемого права, утвержденной Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию ИКТ для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности¹⁶, в качестве одной из сфер применения таких технологий указываются сделки в машиночитаемом формате, при этом перечислены восемь преимуществ оформления сделок таким путем. Можно с уверенностью заметить, что предлагаемые в Концепции решения никак не сочетаются с нормами ГК РФ о сделках, их преобладающем виде — договоре, тем более об обязательстве, связанном с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности. Достаточно сказать, что ответственность при использовании технологий машиночитаемого права наступает «за качество проведенного анализа норм права, качество конструируемой сделки». А кто будет отвечать за неисполнение самой сделки? Первоочередные направления развития машиночитаемых сделок также не отличаются правовой определенностью, когда ставятся задачи определения ключевых субъектов, заинтересованных в представлении машиночитаемых сделок, выявлении потребностей и подходов к онтологии права для сделок в конкретной отрасли, определения сферы применения таких сделок. Согласно упомянутой Концепции «развитие машиночитаемого права, возможно, приведет к его преобладанию в законодательном массиве над нормами, изложенными на собственном языке». Считаю это ошибочным предположением, поскольку созданные в конечном счете искусственным интеллектом наборы правовых норм на формальном языке не могут быть поставлены в один ряд с принципами и нормами права.

¹⁶ Документ официально не опубликован. СПС «Консультант-Плюс».

Выводы

1. Исходя из понимания правового регулирования и индивидуального регулирования как парных регуляторов правоотношений, специальное регулирование внедрения цифровых инноваций трактуется как индивидуальное регулирование правоотношений. Стратегические направления в области цифровой трансформации развития отраслей экономики, утвержденные Правительством РФ, предусматривают «формирование и введение в действие нормативно-технической и нормативно-правовой базы Российской Федерации»¹⁷. Применение ИКТ на данном уровне их развития не ведет к замене правоотношений на технологическое взаимодействие субъектов цифрового оборота; применяя технологии искусственного интеллекта, юридические лица и граждане лишь с их использованием совершают сделки, другие юридически значимые действия. При применении искусственного интеллекта и других технологий не появляется новый субъект права и не возникает правоотношений, в которых он участвовал бы как юридическое лицо; это не право.

2. Применение цифровых технологий в праве состоит, на мой взгляд, в поэтапном переводе действий граждан и юридических лиц в алгоритмы создания, хранения и обновления информации, содержащейся в распределенном реестре [23]. Поскольку на всех этапах развития договорного правоотношения, начиная с переговоров о заключении договора и до заключения его исполнением или прекращением, каждая сторона ответственна за свои обязательства, оператор информационной системы отвечает в форме возмещения убытков лишь за сбой в работе информационной системы, за утрату информации или предоставление недостоверной (неполной) информации. При современном развитии искусственного интеллекта ставить задачу о совершении и исполнении сделки с использованием цифровых технологий во всем объеме и полноте преждевременно.

3. При современном правовом регулировании договора как разновидности сделки, сделки как основания обязательства невозможно применение ИКТ ко всему единому комплексу действий сторон договорного обязательства ввиду неоднозначного употребления названных понятий. Институт недействительности сделки также осложняет их применение ввиду возможности оспоримости. Не найдены в законе способы «вписания» смарт-контракта и иных технологий («неправо») в общую канву заключения и исполнения договора, ответственности за его неисполнение, за исключением применения договоров присоединения при инвестировании. Применение

¹⁷ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 ноября 2021 г. № 3142-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации обрабатывающих отраслей промышленности».

машиночитаемых сделок в гражданском обороте ведет к параллельному конструированию сделок на формальном языке. В ГК РФ регулируется пока достоверность определения лица, выразившего волю, а не формирование условий будущей сделки с помощью искусственного интеллекта.

Рецензент: **Терентьева Людмила Вячеславовна**, доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

E-mail: terentevamila@mail.ru

Литература

1. Андреев В. К. Теоретические предпосылки применения цифровых технологий в деятельности юридического лица // Российское правосудие. 2020. № 6. С. 52—59.
2. Андреев В. К. Правовое и цифровое регулирование предпринимательской деятельности // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2021. № 1. С. 17—21.
3. Андреев В. К. Правовое регулирование применения цифровых технологий: теоретические размышления // Государство и право. 2021. № 11. С. 81—89.
4. Андреев В. К. Субъективное гражданское право и иные проявления воли и интереса в деятельности юридического лица // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 58—68.
5. Дятков С. А., Марьяненко В. П., Салищева Т. А. Информационно-сетевая экономика. Структура, динамика, регулирование. М. : Инфра-М, 2019. 414 с.
6. Ершов В. В. Регулирование правоотношений. М. : РГУП, 2020. 564 с.
7. Камалян В. М. Правовые особенности заключения и исполнения банковских договоров в цифровой экономике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 20 с.
8. Карцхия А. А. Правовое регулирование гражданского оборота с использованием цифровых технологий : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 562 с.
9. Лаптев В. А., Соловяненко Н. И. Цифровое правосудие. Цифровой документ : монография. М. : Проспект, 2022. 246 с.
10. Ловцов Д. А. Информационная теория эргасистем : монография. М. : РГУП, 2021. 314 с. ISBN 978-5-93916-887-8.
11. Ловцов Д. А. Системология правового регулирования информационных отношений в инфосфере : монография. М. : РГУП, 2016. 316 с. ISBN 978-5-93916-505-1.
12. Ловцов Д. А. Системный анализ. Часть 1. Теоретические основы. М. : РГУП, 2018. 224 с. ISBN 978-5-93916-701-7.
13. Ловцов Д. А. Системология информационного права // Правосудие / Justice. 2022. Т. 4. № 1. С. 41—70. DOI: 10.37399/2686-9241.2022.1.41-70 .
14. Ловцов Д. А. Имплементация «цифровых» прав в экономике: информационно-правовые аспекты // Российское правосудие. 2020. № 10. С. 42—53. DOI: 10.37399/issn2072-909X.2020.10.42-53 .
15. Ловцов Д. А. Проблемы правового регулирования электронного документооборота // Информационное право. 2005. № 2. С. 28—31.
16. Ловцов Д. А., Богданова М. В. Экономико-правовое регулирование оборота результатов интеллектуальной деятельности предприятий промышленности России // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2013. № 1. С. 53—56.
17. Механизмы и модели регулирования цифровых технологий : монография / Под ред. А.В. Минбалеева. М. : Проспект, 2020. 261 с.
18. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 45 с.
19. Санникова Л., Харитоновна Ю. Цифровые активы. Правовой анализ : монография. М. : Принт, 2020. 304 с.
20. Степанов О. А. О проблеме правосубъектности роботизированных систем (правосубъектный, общетеоретический, отраслевой и международный анализ) // Сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти С. Н. Братуся. М. : Статут, 2017. С. 289—290.
21. Тедеев А. А. К вопросу о трансформации системы права в условиях развития информационно-коммуникационных технологий: постановка проблемы // Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности : сб. науч. тр. М. : ИГП РАН, 2018. С. 25—39.
22. Федосеев С. В. Информационные и программные аспекты разработки и применения смарт-контрактов // Правовая информатика. 2021. № 3. С. 25—33. DOI: 10.21681/1994-1404-2021-3-25-33 .
23. Черных А. М. Технологии распределенного реестра и защита документооборота судебной системы // Правовая информатика. 2020. № 4. С. 20—28. DOI: 10.21681/1994-1404-2020-4-20-28 .

LEGAL REGULATION IN THE SPHERE OF USING DIGITAL TECHNOLOGIES IN CIVIL CIRCULATION

Vladimir Andreev¹⁸

Keywords: information, information and computer (digital) technologies, artificial intelligence, legal relationship, rights and obligations, legal entity, transaction, contract.

Abstract

Purpose of the paper: improving the research and methodological base of the theory of legal regulation of relationships in the sphere of using information and computer (digital) technologies (ICT).

Methods used: system and theoretical legal analysis of laws and the results of practically using ICT in social and industrial activities.

Findings. It is justifiably proposed to regard the technical and technological regulation of ICT not directly included in the law as a system of principles and standards as a means for ensuring the functioning of legal relations. A justification is given for the following conclusions: using artificial intelligence leads not to the appearance of an electronic person with some attributes of legal fiction but to a gradual acquisition and exercise of the rights of a legal entity using electronic and other technical means, using digital technologies does not lead to the emergence of subjects of digital circulation, the interaction of participants in electronic circulation generates neither rights nor obligations which is also typical for the interaction of participants of ecosystems, transactions in machine-readable format may have social economic significance with the advent of powerful artificial intelligence since the formal language of such transactions and the ontology of machine-readable law are not at all able to reflect all manifestations of the will and interests of participants in legal relations.

References

1. Andreev V. K. Teoreticheskie predposylki primeneniia tsifrovyykh tekhnologii v deiatel'nosti iuridicheskogo litsa. Rossiiskoe pravosudie, 2020, No. 6, pp. 52–59.
2. Andreev V. K. Pravovoe i tsifrovoe regulirovanie predprinimatel'skoi deiatel'nosti. Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava, 2021, No. 1, pp. 17–21.
3. Andreev V. K. Pravovoe regulirovanie primeneniia tsifrovyykh tekhnologii: teoreticheskie razmyshleniia. Gosudarstvo i pravo, 2021, No. 11, pp. 81–89.
4. Andreev V. K. Sub'ektivnoe grazhdanskoe pravo i inye proiavleniia voli i interesa v deiatel'nosti iuridicheskogo litsa. Zhurnal rossiiskogo prava, 2018, No. 8, pp. 58–68.
5. Diatkov S. A., Mar'ianenko V. P., Salishcheva T. A. Informatsionno-setevaia ekonomika. Struktura, dinamika, regulirovanie. M.: Infra-M, 2019. 414 pp.
6. Ershov V. V. Regulirovanie pravootnoshenii. M.: RGUP, 2020. 564 pp.
7. Kamalian V. M. Pravovye osobennosti zakliuchenii i ispolnenii bankovskikh dogovorov v tsifrovoi ekonomike : avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk. M., 2021. 20 pp.
8. Kartskhiia A. A. Pravovoe regulirovanie grazhdanskogo oborota s ispol'zovaniem tsifrovyykh tekhnologii : dis. ... d-ra iurid. nauk. M., 2018. 562 pp.
9. Laptev V. A., Solovianenko N. I. Tsifrovoe pravosudie. Tsifrovoy dokument : monografiia. M.: Prospekt, 2022. 246 pp.
10. Lovtsov D. A. Informatsionnaia teoriia ergasistem : monografiia. M.: RGUP, 2021. 314 pp. ISBN 978-5-93916-887-8.
11. Lovtsov D. A. Sistemologiiia pravovogo regulirovaniia informatsionnykh otnoshenii v infosfere : monografiia. M.: RGUP, 2016. 316 pp. ISBN 978-5-93916-505-1.
12. Lovtsov D. A. Sistemnyi analiz. Chast' 1. Teoreticheskie osnovy. M.: RGUP, 2018. 224 pp. ISBN 978-5-93916-701-7.
13. Lovtsov D. A. Sistemologiiia informatsionnogo prava. Pravosudie / Justice, 2022, t. 4, No. 1, pp. 41–70. DOI: 10.37399/2686-9241.2022.1.41-70.
14. Lovtsov D. A. Implementatsiia "tsifrovyykh" prav v ekonomike: informatsionno-pravovye aspekty. Rossiiskoe pravosudie, 2020, No. 10, pp. 42–53. DOI: 10.37399/issn2072-909X.2020.10.42-53.
15. Lovtsov D. A. Problemy pravovogo regulirovaniia elektronnogo dokumentooborota. Informatsionnoe pravo, 2005, No. 2, pp. 28–31.
16. Lovtsov D. A., Bogdanova M. V. Ekonomiko-pravovoe regulirovanie oborota rezul'tatov intellektual'noi deiatel'nosti predpriatii promyshlennosti Rossii. Ekonomika, statistika i informatika. Vestnik UMO, 2013, No. 1, pp. 53–56.

---

¹⁸ **Vladimir Andreev**, Dr.Sc. (Law), Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, member of the Scientific Consultative Council under the Supreme Court of the Russian Federation, Chief Researcher at the Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation. E-mail: rajandreev@gmail.com

17. Mekhanizmy i modeli regulirovaniia tsifrovyykh tekhnologii : monografiia. Pod red. A.V. Minbaleeva. M. : Prospekt, 2020. 261 pp.
18. Morkhat P. M. Pravosub"ektnost' iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektual'noi sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problemy : avtoref. dis. ... d-ra iurid. nauk. M., 2018. 45 pp.
19. Sannikova L., Kharitonova Iu. Tsifrovye aktivy. Pravovoi analiz : monografiia. M. : Print, 2020. 304 c.
20. Stepanov O. A. O probleme pravosub"ektnosti robotizirovannykh sistem (pravosub"ektnyi, obshcheteoreticheskii, otraslevoi i mezhdunarodnyi analiz). Sbornik materialov k XII Ezhegodnym nauchnym chteniiam pamiati S. N. Bratusia. M. : Statut, 2017, pp. 289–290.
21. Tedeev A. A. K voprosu o transformatsii sistemy prava v usloviakh razvitiia informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii: postanovka problemy. Informatsionnoe prostranstvo: obespechenie informatsionnoi bezopasnosti : sb. nauch. tr. M. : IGP RAN, 2018, pp. 25–39.
22. Fedoseev S. V. Informatsionnye i programmnye aspekty razrabotki i primeneniia smart-kontraktov. Pravovaia informatika, 2021, No. 3, pp. 25–33. DOI: 10.21681/1994-1404-2021-3-25-33 .
23. Chernykh A. M. Tekhnologii raspredelennogo reestra i zashchita dokumentooborota sudebnoi sistemy. Pravovaia informatika, 2020, No. 4, pp. 20–28. DOI: 10.21681/1994-1404-2020-4-20-28 .